

СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ПРИНЦИПА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Представление о презумпции невиновности как одном из принципов уголовного судопроизводства сложилось давно. Но лишь в середине XX века презумпция невиновности была признана на международном уровне в качестве основополагающего принципа уголовного процесса и гаранта прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, гласит: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» (п. 2 ст. 11). Затем презумпция невиновности была закреплена в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года.

Становление презумпции невиновности в качестве принципа уголовного процесса России имеет сложную историю.

Отдельные элементы правовой идеи презумпции невиновности можно встретить в петровском Уставе воинском. По данному нормативному акту подсудимый должен быть осужден даже при недоказанном обвинении, однако в таком случае «судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказать опасаться, но только паче чрезвычайно наказать, понеже лучше 10 виновных освободить, нежели одного к смерти приговорить»¹. Таким образом, возможная невиновность не исключала обвинительного приговора, но принималась во внимание как основание для замены «пристойного наказания» — смертной казни — менее суровым — «чрезвычайным наказанием».

Попытку закрепить презумпцию невиновности предприняла в 1767 году Екатерина II. Проникнувшись идеями, высказанными Ч. Беккариа в книге «О преступлениях и наказаниях», Екатерина создала комиссию по разработке нового уложения. В основу работы комиссии был положен Наказ, составленный императрицей, ст. 194 которого говорила:

---

* © Кирьянов А.Ю., 2007

Кирьянов Алексей Юрьевич — аспирант, Самарский государственный университет

«человека не можно почитати виноватым прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные. Чего ради какое право может кому дати власть налагати наказание на гражданина в то время, когда еще сомнительно, прав он или виноват»². Эта статья представляет собой приблизительный перевод части параграфа 16 «О пытке» книги Ч. Беккариа³. Однако эта попытка создать новое уложение и включить в него передовые идеи не увенчалась успехом.

Следующую попытку закрепить презумпцию невиновности в России предприняли разработчики Устава уголовного судопроизводства 1864 года. К тексту Устава авторы предполагали добавить в качестве Приложения, не имеющего, впрочем, силы закона, следующие правила оценки доказательств:

«1) Судьи и присяжные заседатели определяют вину или невиновность подсудимого по внутреннему убеждению, основанному на обсуждении всех обстоятельств дела;

2) Подсудимый признается невиновным, доколе противное не будет доказано. Всякое сомнение о вине и степени виновности подсудимого объясняется в его пользу;

3) Никто не может быть признан виновным в преступлении, если нет положительного удостоверения в том, что сие преступление в действительности совершено (...);

6) Собственное сознание подсудимого не принимается в уважение:

а) когда оно не согласно с обстоятельствами дела;

б) когда оно вынуждено насильем, угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами;

7) Признание подсудимого имеет силу только по тем обстоятельствам, к коим оно положительно относится;

8) Признание подсудимого не может быть принято за основание обвинительного приговора, если, кроме этого признания, нет иного удостоверения в том, что преступление действительно совершилось(...)»⁴.

Однако в Устав уголовного судопроизводства 1864 года указанное Приложение включено не было, а в самом тексте Устава были закреплены лишь отдельные элементы презумпции невиновности, а также некоторые гарантии, составляющие и претворяющие данное правовое положение в жизнь. Например, ст. 1 гласит: «никто не может быть наказан за преступление или поступки, подлежащие судебному преследованию иначе, как по приговору надлежущего суда, вошедшему в законную силу», что можно рассматривать как прообраз презумпции невиновности. В Уставе не были реализованы все положения, связанные с презумпцией,

а некоторые из них не были доведены до логического завершения. Так, защита не была допущена в стадию предварительного следствия, хотя право защищаться самому или иметь профессионального защитника в суде было закреплено; дела о государственных преступлениях были полностью изъяты из компетенции суда присяжных, что лишало обвиняемых гарантий справедливого рассмотрения дела.

Причинами половинчатого закрепления гарантий презумпции невиновности и отсутствия ее полной формулировки в Уставе 1864 года, по мнению Л. Васильева, стала неготовность законодателя и правоприменительной системы принять презумпцию невиновности и ее следствия, как, например, обозначенные выше правила оценки доказательств, предложенные в проекте⁵. И.Я. Фойницкий среди причин отказа от закрепления правил оценки доказательств указывал боязнь законодателя формализовать процесс доказывания, дать возможность суду «штамповать» решения на основе «единожды навсегда установленной формулы, без самостоятельного разбора значения каждого обстоятельства»⁶.

Тем не менее отдельные элементы презумпции невиновности действовали в российском праве, научная мысль стремилась выработать более совершенный вариант понятия презумпции невиновности. В конце XIX — начале XX вв. стали появляться отдельные научные исследования, в той или иной мере касавшиеся презумпции невиновности. М.В. Духовский пишет: «Наряду со всеми, являющимися и вызываемыми на суд, в особое положение ставится подсудимый. В прежнем процессе это бесправный объект исследования. Теперь это, доколь его виновность не доказана, прежде всего, полноправный гражданин страны. Поэтому если необходимость и должна заставить применить к нему на предварительном следствии меры стеснения, то они должны быть ограничены пределами крайней необходимости»⁷. Иные положения, более соответствующие существу презумпции невиновности, высказаны, например, Л.Е. Владимировым и И.Я. Фойницким: «*Praesumptio juris* идет в пользу подсудимого, он предполагается невиновным, доколь не доказано противное»⁸, «современный процесс исходит из предположения невиновности (*praesumptio boni viri*)»⁹. В. Случевский писал: «по господствующему в процессе правилу подсудимый должен быть признаваем невиновным, пока не будет доказано противное. На суде должна господствовать и проникать собою все процессуальные действия эта *praesumptio boni*, потому что только по окончании судебного следствия выясняется значение уголовных доказательств с тою полнотою, какая необходима для разрешения вопроса о виновности подсудимого... Прямым результатом принятия презумпции невиновности является необходимость толкования каж-

дого сомнения в пользу подсудимого, а также признание, что на подсудимого как на лицо, предполагаемое до постановки обвинительного приговора невиновным, не может быть возложена (как в следственном процессе) обязанность представлением доказательств своей невиновности содействовать обнаружению материальной истины»¹⁰.

Однако дальнейшее изучение данного принципа и действие его отдельных элементов в уголовном процессе было прекращено в 1917 году с уничтожением существовавшей системы судопроизводства.

Созданная большевиками система революционных трибуналов для борьбы с контрреволюцией, «мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями» классовых врагов¹¹, а также новый «источник права» — революционное правосознание¹² исключали действие презумпции невиновности.

Нормативные акты того времени указывали лишь на понятие преступления или группы преступлений без их четкого определения. Неопределенность составов преступлений, отсутствие либо неопределенность санкций (зачастую санкция была выражена фразой «карать по всей строгости революционного закона») создавали широкий простор для произвольного толкования актов¹³.

Отношение к презумпции невиновности того времени можно охарактеризовать словами А.Я. Вышинского о том, что принципы и атрибуты буржуазной законности, в том числе и презумпция невиновности, «должны быть выброшены на помойку(...), ничего не стоят(...), так же как и сам изживший себя класс»¹⁴.

В советской литературе 30-50 годов, а также в более позднее время презумпция невиновности критикуется с позиций ее чуждости советскому праву и процессу, ее рассматривают как принцип эксплуататорского права, несвойственный «подлинно демократическому» советскому уголовному процессу. Юридическое закрепление презумпции невиновности и, следственно, правил, из нее вытекающих, было бы серьезным препятствием политической борьбы с контрреволюцией, буржуазией и прочими врагами народа, поскольку требовало бы законности и справедливости происходивших судебных и внесудебных расправ.

Активно против презумпции невиновности выступал С.А. Голунский: «Признать презумпцию невиновности в ее широком смысле, признать, что в нашем советском процессе всякое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого, независимо от того, кто этот обвиняемый и каковы конкретные особенности данного дела, значило бы выхолостить из нашего процесса его классовое содержание, формализовать наш процесс»¹⁵. По мнению В.С. Тадевосяна, «презумпция невиновности не

нужна советскому уголовному процессу. Законодательное предположение, которое на 80-90% оказывается неверным; виновность лица, которое на основании собранных по делу доказательств привлекалось к уголовной ответственности, как правило, в дальнейшем подтверждалась»¹⁶. К.А. Мокичев, как бы продолжая эту мысль, указывал: «В советском законодательстве и в практике борьбы не было и нет никаких презумпций, т. е. предположений о виновности или невиновности(...) Нелепость этой формулы совершенно очевидна. В самом деле, ведь по этой формуле следует, что прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, да и суд, пока судебный приговор не вступил в законную силу, имеют дело с лицом невиновным(...) Без вины именно данного конкретного лица по данному конкретному факту не может быть ни следствия, ни дознания, ни судебного разбирательства»¹⁷. Другими словами, обвиняемый виновен, иначе он не привлекался бы к уголовной ответственности. По мнению М.А. Чельцова, презумпция невиновности не соответствует принципу объективной истины. Ученый пишет, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, в своей деятельности исходят не из каких-либо презумпций, всегда затрудняющих отыскание истины, а из фактов, устанавливаемых по каждому конкретному делу с помощью точно перечисленных в законе средств доказывания, в порядке, точно определенном законом»¹⁸.

Справедливости ради заметим, что презумпцию невиновности отрицали не только в советской России. Против нее выступили фашисты. В объяснительной записке к итальянскому Уголовно-процессуальному кодексу 1930 года министр юстиции Рокко писал, что презумпция невиновности «представляет собой странность, связанную со старыми понятиями, которые коренятся в принципах французской революции и которые приводят к крайним и непоследовательным эксцессам в установлении гарантий личности(...) Чтобы он (обвиняемый) считался невиновным в то время, как о нем потому и проводится дело, что он обвиняется в преступлении, — это такая нелепость, такое явное извращение логического и юридического смысла, что не может быть допущено даже в качестве приема выражения»¹⁹. Примерно подобную оценку можно встретить в работе американского автора Коллисона: «Теория «презумпция невиновности» — явная фикция. Ни один здравомыслящий человек не будет исходить из предположения, что задержанное лицо невиновно(...) Это одна из многих абсурдных теорий»²⁰.

Лишь немногие советские ученые до законодательного закрепления презумпции невиновности выступали за этот принцип процесса, но прямое упоминание о нем вызывало резкую волну критики. В.М. Савицкий

описывает случай, когда из уже напечатанного тиража учебников по уголовному процессу была вырвана страница, содержащая термин «презумпция невиновности», и вклеена другая, этого термина не содержащая²¹.

Большая заслуга в реабилитации принципа презумпции невиновности принадлежит М.С. Строговичу. Опираясь на анализ тенденций развития советского государства и права, изучение следственной и судебной практики, М.С. Строгович в своих работах доказывал, что, руководствуясь презумпцией невиновности, можно совместить совершенствование системы прав и гарантий личности в уголовном процессе, укрепление законности и достижение истины по уголовному делу. Идеи М.С. Строговича о презумпции невиновности были поддержаны отдельными советскими учеными. Так, Н.Н. Полянский относит презумпцию невиновности к принципам уголовного процесса, не обозначенным в законе, который «подлежит применению везде, где она по существу своему, по смыслу ее применима»²². До правового закрепления презумпции невиновности было еще далеко, но ее признание даже в качестве правовой идеи имело большое значение в то время, когда уголовное судопроизводство продолжало рассматриваться как инструмент борьбы с классовыми врагами, к которым причислялись все недовольные²³.

Участие СССР в разработке и принятии Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 года способствовало очередной попытке включить презумпцию невиновности в советское законодательство. Она была принята при проведении кодификации советского уголовно-процессуального законодательства в конце 50-х — начале 60-х годов. При разработке Основ уголовного судопроизводства СССР было предложено включить в проект презумпцию невиновности в следующей редакции: «обвиняемый считается не виновным, пока его виновность не будет установлена приговором суда, вступившим в законную силу». Данная формулировка была подвергнута критике в выступлении депутата Б.С. Шаркова на сессии Верховного Совета СССР как «обветшалая догма буржуазного права»²⁴, непонятная широким массам трудящихся, и была отвергнута разработчиками в силу противоречия другим положениям закона²⁵. Таким образом, законодатель целенаправленно не включил в текст Основ презумпцию невиновности, а также всячески старался избегать свойственной элементам этого принципа терминологии. Однако в ст. 7 Основ все же было указано, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда».

Идея противостояния двух сверхдержав, постоянной и непримиримой борьбы с внешним и внутренним врагом в лице инакомыслящих²⁶

и использование для этих целей судебной системы не позволили законодателю закрепить прямо презумпцию невиновности и в Конституции СССР 1977 года. Ст. 160 Конституции закрепила положение, идентичное ст. 7 Основ уголовного судопроизводства СССР: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом». Слова «...и подвергнут...» ст. 7 Основ были заменены в Конституции на слова «...а также подвергнут...». Эта замена позволяла толковать ст. 160 так, что независимо от назначения уголовного наказания только суд может признать лицо виновным в совершении преступления. Толкуя ст. 160 Конституции СССР 1977 года, М.С. Строгович справедливо отметил, что «только приговором суда обвиняемый может быть признан виновным в совершении преступления, и никаким другим государственным органом или должностным лицом это сделано быть не может»²⁷.

Эти положения ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 160 Конституции СССР были расценены учеными именно как презумпция невиновности обвиняемого²⁸. Но, как отмечается в литературе, это не была презумпция невиновности в полном смысле этого понятия, поскольку не отвечала на вопрос — кем считать обвиняемого до вынесения и вступления в законную силу приговора суда, как ее исторический предшественник²⁹. Тем не менее сначала в Основах уголовного судопроизводства, а затем и в Конституции СССР была закреплена одна из важнейших идей, выражающих существо презумпции невиновности, — признать лицо виновным в совершении преступления вправе только суд.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР³⁰ от 16 июня 1978 года «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» было сформулировано следующее правило: «В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»³¹. Данная формулировка является более точным выражением существа презумпции невиновности, чем формулировка, содержащаяся в Конституции СССР 1977 года. Текстуальное различие небольшое, но именно эти по-разному расставленные слова и отличают презумпцию невиновности от связанного с ней принципа «осуществления правосудия только судом». Анализируя положения ст. 160 Конституции СССР, следует

отметить, что в ней был закреплён (в чистом виде) принцип осуществления правосудия только судом, то есть в данной формуле основной смысловой упор делается не на предположение о невиновности лица до принятия определенного решения, а на тот орган, который принимает решение о виновности или невиновности лица.

После принятия Конституции СССР 1977 года Закономерно появляются работы ряда ученых, указывающих на значимость презумпции невиновности в праве и описывающих саму презумпцию и положения, с ней связанные³². Некоторые ученые рассматривают презумпцию невиновности как один из самостоятельных принципов советского уголовного процесса³³. Критика презумпции невиновности также встречается в литературе, в частности, с позиций ее несоответствия принципу полного и всестороннего исследования обстоятельств дела³⁴, но уже не в том объеме, как в 30-60-х годах.

Наконец 13 ноября 1989 года Верховным Советом СССР были приняты Основы законодательства о судостроительстве СССР, ч. 2 ст. 14 которых гласила: «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в силу приговором суда». Основы 1989 года впервые закрепили формулировку презумпции невиновности в законодательстве СССР³⁵. И хотя 8 декабря СССР прекратил свое существование, а Основы стали законодательным актом несуществующего государства, закрепление в ст. 14 формулировки презумпции невиновности означало ее законодательное признание, легализацию.

Процесс формирования презумпции невиновности в качестве принципа уголовного судопроизводства нашел свое логическое завершение в принятой 12 декабря 1993 года Конституции РФ и новом Уголовно-процессуальном кодексе России 2001 года: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Впервые в истории российского законодательства не только понятие презумпции невиновности, но и ее правовые следствия получили нормативное закрепление.

Презумпция невиновности, давно известная человечеству и российскому праву, прошла сложный и противоречивый путь своего становления от полного отрицания до безоговорочного признания. Однако история не разрешила полностью вопросы, связанные как с самой презумпцией невиновности, так и с отдельными положениями, прямо из нее вытекающими, споры по некоторым вопросам не затихают и по сей день.

Примечания

- ¹ Устав воинский. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. – Ч. II. – Гл. V. – П. 9 // <http://history.seps.ru/regulations/1716-03.htm/>
- ² Цит. по: Васильев, Л. Три попытки нормативного закрепления презумпции невиновности / Л. Васильев // Законность. – 2004. – №2. – С. 46.
- ³ См.: Чезаре Беккариа О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа; пер. Ю.П. Юмашева. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 82-83.
- ⁴ Васильев, Л. Указ. соч. – С. 47
- ⁵ См.: Васильев, Л. Указ. соч. – С. 47-48.
- ⁶ См.: Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2 / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – С. 186.
- ⁷ Духовский, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовский. – М., 1908. – С. 162.
- ⁸ Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах (общая часть) / Л.Е. Владимиров. – Харьков, 1988. – С. 161.
- ⁹ Фойницкий, И.Я. Указ. соч. – С. 215.
- ¹⁰ Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство – судопроизводство / В. Случевский. – СПб., 1910. – С. 74.
- ¹¹ Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 // Декреты Советской власти. Т.1. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – С. 125-126.
- ¹² См.: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // СУ РСФСР. 1919 г. – №6. – ст. 590.
- ¹³ См.: Минаева, Т.И. Создание и развитие уголовного законодательства до принятия первого УК РСФСР. 1917-1922 гг. / Т.И. Минаева // Основания уголовно-правового запрета. – М.: Изд. МГУ, 1982. – С. 66-68.
- ¹⁴ Вышинский, А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты / А.Я. Вышинский. – М., 1934. – С. 18.
- ¹⁵ Голунский, С.А. О вероятности и достоверности в суде / С.А. Голунский // Проблемы уголовной политики. – М.: Юриздат, 1937. – кн. 4. – С. 60.
- ¹⁶ Тадевосян, В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1959. – №6. – С. 32-33.
- ¹⁷ Мокичев, К.А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве / К.А. Мокичев. – М., 1959. – С. 33.
- ¹⁸ Чельцов, М.А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма / М.А. Чельцов // Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР. – М.: Гос. изд-во. юрид. лит., 1959. – С. 69-70.
- ¹⁹ Цит. по: Строгович, М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 234.
- ²⁰ Коллисон. Неправосудные суды / Коллисон. – М.: Издат. иностр. лит., 1961. – С. 85.

²¹ См.: Савицкий, В.М. Гарантия – презумпция невиновности / В.М. Савицкий // Литературная газета. – 1988. – 4 дек. – С. 12.

²² См.: Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: Изд-во Московского университета, 1956. – С.112, 182-193, см. также: Уголовный процесс / под ред. В.Е. Чугунова, Л.Д. Кокорева. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1968. – С. 114-117.

²³ Так, нарком юстиции Н.В. Крыленко указывал, что «карательная политика пролетарского государства должна строиться в первую очередь на неуклонном проведении классового начала. Это начало должно реально ощущаться на всех этапах, через которые проходит борьба с преступником, с момента совершения деяния до момента отбытия наказания». См.: Крыленко, Н.В. Всероссийский съезд деятелей юстиции. Основные моменты / Н.В. Крыленко // Право и жизнь. – 1924. – №3-4. – С. 113.

²⁴ Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва: вторая сессия: Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1959. – С. 523-524.

²⁵ См.: Васильев, Л. Указ. соч. – С. 48-49.

²⁶ См.: Верт, Н. История советского государства / Н. Верт – М.: ИНФРА-М, Весь Мир, 1998. – С. 465-466.

²⁷ Строгович, М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / М.С. Строгович. – М., 1984. – С. 83.

²⁸ См.: Полянский, Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – С. 57-61, Петрухин, И.Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1978. – №12. – С.18-26; Грошевой, Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков, 1979. – С. 5; Ларин, А.М. Презумпция невиновности / А.М. Ларин. – М.: Наука, 1982. – С. 19.

²⁹ См.: Строгович, М.С. Указ. соч. – С. 31; Васильев В. Указ. соч. – С. 49.

³⁰ Согласно ст.56 Закона РСФСР от 8 июля 1981 года «О судостроительстве РСФСР» Верховный Суд в постановлениях Пленума дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства РСФСР, возникающим при рассмотрении судебных дел. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Постановления Пленума Верховного Суда СССР имели для правоприменительной практики значение, по юридической силе равное закону.

³¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1978. – №4. – С. 9.

³² См.: Касумов, Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве / Ч.С. Касумов. – Баку, 1984; Ларин, А.М. Указ. соч.; Либус, И.А. Указ. соч.; Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. – С. 42-45.

³³ См., например: Добровольская, Т.Н. Принципы советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. – М.: Юр. лит., 1971. – С. 111-117; Ларин, А.М.

Уголовный процесс: Структура права и структура законодательства / А.М. Ларин. – М.: Наука, 1985. – С. 20, Петрухин, И.Л. Указ. соч.

³⁴ См., например: Арсеньев, В.Д. Проблема обоснованности уголовного преследования по советскому уголовно-процессуальному законодательству в свете Конституции СССР / В.Д. Арсеньев // Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. – М.: Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978. – С. 73.

³⁵ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. редактор Лупинская П.А. – М.: Юристь, 2004. – С. 200.

Н.А. Развейкина*

РОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ – ПРЕДМЕТ ДЛЯ ДИСКУССИЙ

Процессуальная позиция председательствующего в суде присяжных обусловлена, прежде всего, той ролью, которая возложена на профессионального судью в производстве по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей. Зачастую недостаточное внимание, уделяемое роли председательствующего, порождает неверное понимание конструкции суда присяжных и специфики его деятельности¹.

Один из наиболее жарких споров, разгорающихся вокруг роли председательствующего в суде присяжных, — это выяснение вопроса об активности или пассивности профессионального судьи в судебном заседании: должен ли председательствующий проявлять активность при установлении фактических обстоятельств дела и ведении судебного следствия в целом. Особую остроту эта тема приобрела с разработкой проекта Уголовно-процессуального кодекса РФ, когда многие нормы УПК РСФСР были либо переосмыслены, либо вообще не нашли места в новом законе². Начавшаяся в тот период дискуссия о роли судьи в состязательном процессе продолжается, несмотря на принятие и вступление в силу УПК РФ.

---

* © Развейкина Н.А., 2007

Развейкина Надежда Андреевна – старший преподаватель, канд. юрид. наук, Самарский государственный университет